

ПРОЦЕСС ЗАКРЕПОЩЕНИЯ КРЕСТЬЯН
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
И КРЕПОСТНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ
В МОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Г. А. ДМИТРИЕВ (Ленинград)

Вопрос о крепостной зависимости в странах Ближнего Востока и о ее причинах получил противоречивое освещение в научной литературе. Ван Берхем писал о крестьянах этого района в эпоху, предшествовавшую крестовым походам, как о крепостных¹. В. В. Бартольд, не сумевший научно решить проблемы крестьянской зависимости в странах Ближнего Востока², утверждал, что существенные изменения в общественных отношениях этих стран произошли в монгольский период, и он связывал их в первую очередь с развитием товарно-денежных отношений в империи монголов³. К. Каен в своей книге о северной Сирии эпохи крестовых походов говорит о крестьянах XI в. как о крепостных⁴, но в статье о социальной эволюции мусульманского мира до XII века значительно смягчает свои формулировки, оставляя прежние категорические определения⁵.

Б. Н. Заходер, рассматривавший положение крестьян в связи с социальными отношениями на Ближнем Востоке, в общей форме высказал тот взгляд, что крестьяне в странах Ближнего Востока были закрепощены или очень близки по своему положению к крепостному состоянию уже в домонгольский период⁶.

И. П. Петрушевский в статье о Хамдаллахе Казвини рассматривает усиление эксплуатации крестьян и увеличение налогов как следствие развития товарно-денежных отношений и купеческого капита-

¹ См. Cl. Cahen, *La Syrie du nord à l'époque des croisades et la principauté d'Antioche*, Paris, 1940, стр. 558.

² Ему принадлежат различные высказывания по этому вопросу. См. «К истории крестьянских движений в Персии», «Из далекого и близкого прошлого». Сборник, 1923, стр. 58 и сл.; «К вопросу о феодализме в Иране», «Новый Восток», 1930, № 28, стр. 119.

³ См. В. В. Бартольд, *Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира*, Баку, 1924, стр. 58—59.

⁴ См. Cl. Cahen, *La Syrie du nord.*, стр. 557—558; Eadem, *Fiscalité, propriété, antagonismes sociaux en Haute-Mésopotamie au temps de premiers Abbasides d'après Danys de Tell-Mahré*, Arabica, I, 1954, fasc. II, стр. 147—148.

⁵ См. Cl. Cahen, *L'évolution sociale du monde musulman jusqu'au XIIe siècle face à celle du monde chrétien*, Cahiers de civilisation médiévale X^e—XIIe siècles, № 4, Octobre—Décembre 1958, стр. 461.

⁶ См. Б. Н. Заходер, *История восточного средневековья*, М., 1944, стр. 76 и сл.

ла⁷. В статье о прикреплении крестьян к земле в Иране и затем в монографии «Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков» он доказывает, что крепостную зависимость повсеместно распространили монголы в завоеванных ими странах⁸. Он при этом отрицает наличие явлений крепостной зависимости в домонгольский период. Сообщаемые источниками сведения о крепостной зависимости в Великой Армении и в Египте XII—XIII вв. им истолковываются как исключения⁹. Существенное изменение в условиях зависимости крестьян оказывается внезапным, возникшим без каких-либо количественных накоплений.

Последнее связано с даваемым автором объяснением причин крепостной зависимости. Он их видит в монгольских обычаях, которые распространились в завоеванных странах. Среди причин закрепощения крестьян он отмечает также обезлюдение обширных районов и опустошение целых областей, сопровождавшие монгольское нашествие. И те, и другие явления, и монгольские обычаи, и политическое насилие завоевания, бесспорно, оказали влияние на процесс закрепощения крестьянства. Однако вне внимания этого историка остались социально-экономические отношения в странах Ближнего Востока, а также высокоразвитые в этом районе товарно-денежные отношения и связь этих явлений с условиями крестьянской зависимости. И. П. Петрушевский упоминает и о взаимодействии монгольских и местных обычаев¹⁰, но эта точка зрения, противоречащая основной концепции автора, не получила какого-либо развития в его книге.

А. М. Беленицкий в статье о социальных отношениях в Иране хулагуидской эпохи рассматривает условия крестьянской зависимости в их взаимосвязи с социально-экономическими отношениями в этой стране¹¹. Ряд глубоких суждений об экономических отношениях, о зависимости и крепостной зависимости крестьян высказан М. О. Дарбинян в диссертации, посвященной положению Армении времени первых Хулагуидов¹².

⁷ См. И. П. Петрушевский, Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории восточного Закавказья, «Известия АН СССР», отд. обществ. наук, 1937, № 4, стр. 900.

⁸ См. И. П. Петрушевский, К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества, «Вопросы истории», 1947, № 4, стр. 59 и сл.; «Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков», М.—Л., 1960, стр. 319 и сл.

⁹ См. И. П. Петрушевский, К вопросу о прикреплении крестьян к земле..., стр. 59.

¹⁰ См. И. П. Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 333—334.

¹¹ См. А. М. Беленицкий, К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху, «Советское востоковедение», V, М.—Л., 1948, стр. 111 и сл.

¹² См. М. О. Дарбинян, Социально-экономические отношения и политическое положение Армении при первых Хулагуидах (до Газан-хана). Диссертация, Ереван, 1954.

Критикуя книгу И. П. Петрушевского «Земледелие и аграрные отношения в Иране», Л. Бабаян развивает совсем другие представления о происхождении и истории крепостной зависимости в Армении¹³. Он доказывает наличие барщины в Великой Армении в XI и в XII вв. (стр. 14 и сл.) и говорит о «массовом характере» процесса закрепощения в багратидскую эпоху (стр. 6). Появление и развитие крепостной зависимости он связывает с товарно-денежными отношениями и их ростом (стр. 53—54)¹⁴, а крепостничество рассматривает как закономерный результат развития общественно-исторических форм (стр. 63)¹⁵.

Однако, устанавливая связь между развитием товарно-денежных отношений и появлением крепостной зависимости, автор в то же время склонен считать последнюю признаком высокого развития феодальных отношений (стр. 39—40). Совмещение упадка, разрушений и крепостничества в монгольский период скорее доказывает обратное. Отрицая исключительный характер армянского феодализма (стр. 37—38), он не признает общности судеб изменяющихся форм крестьянской зависимости в Передней и Средней Азии (стр. 50 и сл.)¹⁶ и сужает свои исходные позиции. Л. Бабаян рассматривает закрепощение как исторический процесс, неразрывно связанный с общественными отношениями эпохи, но не замечает существенного поворота в этом процессе, совер-

¹³ Л. О. Бабаян, К вопросу о закрепощении крестьян в Армении домонгольского периода, Ереван, 1961. См. также: *Հ. Բաբայան, Հայաստանի սոցիալ-տնտեսական և քաղաքական պատմությունը XIII—XIV դարերում, Երևան, 1964*. См. также Л. О. Бабаян, Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII—XIV веках, М., 1969.

¹⁴ Данное положение автора представляет наибольшую научную ценность. Впрочем, Л. О. Бабаян формулирует свои взгляды по этому вопросу недостаточно ясно. Он пишет: «Необходимость в развитом феодальном обществе обеспечения феодальных поместий постоянной рабочей силой диктовалась развитием крупного феодального хозяйства, торговли и ремесла, ростом товарооборота и связанным с этим оживлением и расширением внешней торговли...» (стр. 53). Развитие крупного феодального хозяйства поставлено на первое место, а рост товарооборота и прочее оказывается на втором. Однако фраза получает неожиданное продолжение. Указанная необходимость диктовалась еще «самое главное, как результат всего этого, бурным ростом городского хозяйства». Таким образом, фактор, отодвинутый на задний план, снова выдвигается на первое место, хотя при этом остается неясным, к каким положениям приведенной цитаты относится пояснение—«как результат всего этого».

¹⁵ В то же время автор говорит о закрепощении и о его юридическом принципе как о «результате закономерного развития и составной части феодальной формы эксплуатации» (стр. 63).

¹⁶ «Нам кажется в корне неверной постановка И. П. Петрушевским вопроса о том, что в странах Передней и Средней Азии «рост закрепощения и процесс его завершения были общим явлением...» (стр. 50). При всем этом по вопросу о феодальных общественных отношениях в более широком смысле Л. О. Бабаян высказывается уже иначе. Так, он пишет (об Армении): «...Между тем как здесь, так и вообще во всех странах, феодальное общество возникло и развивалось по общим основным закономерностям» (стр. 38). Речь идет, по всей очевидности, о странах Ближнего Востока. Но здесь возникает вопрос, почему автор исключил условия крестьянской зависимости из всей совокупности отношений феодального общества?

шившегося в монгольскую эпоху, или отрицает этот сдвиг. Его противоречивая работа во многом содействует изучению проблемы.

Таким образом, историки, рассматривающие поставленную проблему, останавливались на отдельных ее аспектах. Свои взгляды они нередко формулировали как отрицание предшествующей точки зрения.

Историки, писавшие об условиях крестьянской зависимости на Ближнем Востоке, совсем не принимали во внимание колоний, созданных крестоносцами, и сложившихся в них общественных отношений. В результате появилось ошибочное утверждение, что крепостная зависимость получила повсеместное распространение только во владениях монголов, тогда как она была повсеместно распространена уже в завоеванных крестоносцами странах. Вместе с тем, изучая формы феодальной ренты и условия зависимости крестьян в колониях крестоносцев, мы сможем дать более глубокую и теоретически более обоснованную постановку этих вопросов и для всего Ближнего Востока¹⁷.

Теоретическая постановка вопроса

Отработочная рента неизбежно вызывала закрепощение на срок барщинных работ; сопровождаемая внеэкономическим принуждением, она являлась основанием полного закрепощения крестьянина¹⁸. В Западной Европе X—XI вв. крепостная зависимость крестьянства в своей основе определялась именно отработочной рентой, которая чаще всего состояла из трех дней барщины в неделю.

Однако в латинских колониях на Востоке соотношение форм ренты и условий крестьянской зависимости было совсем другим. В завоеванной крестоносцами Палестине и северной Сирии продолжала по традиции господствовать продуктовая рента¹⁹, дополнявшаяся небольшой денежной суммой²⁰, к которым, в некоторых случаях, присоединялись какие-то отработочные повинности²¹. Крепостная зависимость в этих колониях не определялась формами феодальной ренты, как тако-

¹⁷ По вопросу о формах феодальной ренты и условиях зависимости крестьян на Латинском Востоке мной был сделан доклад на заседании исторической секции ЛОИНА 24 января 1966 г.

¹⁸ К. Маркс писал о барщинном труде (создающем отработочную ренту): «...Этот труд непосредственно выступает в грубой форме принудительного труда на другого» («Капитал», т. III; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 25, ч. II, М., 1962, стр. 355). М. О. Дарбинян, Социально-экономические отношения и политическое положение Армении при первых Хулагуидах (до Газан-хана). Диссертация. Ереван, 1954, стр. 134; Л. О. Бабаян, К вопросу о закрепощении крестьян в Армении..., стр. 9—10.

¹⁹ ...رحلة الكاتب الاديب البارح اللبيب... بن حبير ص ٣٠١—٣٠٢...
E. F. W. Gibb. Memorial Series Vol. V, Leyden, London, 1907; Marsili Georgii, Venetorum in Syria bayuli, ad ducem relatio, Fontes rerum austriacarum, II. Abt., XIII. Band, Wien, 1856, стр. 368 и сл.

²⁰ ...رحلة ص ٣٠١—٣٠٢

i, указ. соч., стр. 368 и сл.

выми, а создавалась какими-то другими историческими формами общественных отношений. Изучение последних дает возможность высказать некоторые соображения по этому вопросу.

Хорошо известно, что потребности западных баронов и рыцарей на Востоке значительно возросли в сравнении с теми потребностями, которые имели на Западе они сами или их предки. Их новые потребности обуславливались более высоким уровнем производительных сил в Палестине, северной Сирии и сопредельных с ними странах, развитыми товарно-денежными отношениями и в особенности транзитной торговлей, приносившей на Ближний Восток предметы роскоши и пряности из Индии и стран Дальнего Востока.

Хотя западные завоеватели сохраняли подати и повинности крестьян в общем на прежнем уровне, в их среде обнаруживалась определенная тенденция к увеличению податей, что засвидетельствовано рядом армянских источников.

Матвей Эдесский сообщает о том, что Балдуин, получив известие о смерти Готфрида и собираясь отправиться в Иерусалим, обложил жителей Эдессы всеми видами податей и получил в результате громадные средства²². Он отмечает исключительную жадность Балдуина к деньгам²³. В его хронике имеются также сведения о разорении поборами населения в районе Абласты²⁴. В надгробном слове графу Балдуину, составленном Василием, говорится о разорении, бедствиях и несчастиях, которые он причинил армянскому населению²⁵.

Условия крестьянской зависимости в колониях были более тяжелыми, чем за их пределами. Будучи крепостными в латинских владениях, крестьяне, перейдя в мусульманские земли, могли приобрести большую независимость, оказавшись юридически не закрепощенными. Увеличение податей и повинностей, вызывавшееся возросшими потребностями баронов и рыцарей, тем более побуждало крепостных бежать из их владений. Оружие против побегов феодалы находили в прикреплении к земле, делавшем крестьян крепостными. Закрепощению содействовали западноевропейские обычаи, фиксирующие крепостную зависимость крестьянства, а также политическое насилие завоевания. Тем не менее, основные стимулы, обусловленные социально-экономическими отношениями и побуждавшие к закрепощению, носили местный характер и действовали на всем Ближнем Востоке.

²² „Extrait de la chronique de Matthieu d'Edesse“, *ibid.*, „Recueil des historiens des croisades. Documents arméniens“, T. I, Paris, 1869, стр. 52.

²³ См. там же, *ibid.*, стр. 59.

²⁴ См. там же, *ibid.*, стр. 80—81.

²⁵ Oraison funèbre de Baudouin, comte de Marach et de K'èçoun, par Basile; там же, стр. 209 и сл.

Увеличение податей франками я уже отмечал в своей рецензии на книгу А. Людерс „Die Kreuzzüge im Urteil syrischer und armenischer Quellen“ (Berlin, 1964), „Историко-филологический журнал“, Ереван, 1966, № 3, стр. 284—285.

Процесс закрепощения крестьян на Ближнем Востоке домонгольского времени

За пределами Палестины и северной Сирии крепостная зависимость в некоторых районах известна уже в XII в. и в первой половине XIII в. В некоторых областях источниками засвидетельствовано наличие отработочной ренты. Так, об однодневной барщине в неделю говорится в «Армянском судебнике» Мхитара Гоша, действовавшем в Великой Армении уже в конце XII в.²⁶ Она отмечена и в «Судебнике» Смбата Спарапета, действовавшем в Киликийской Армении²⁷. Власти исмаилитского государства принуждали население близлежащих областей к сезонным работам²⁸. По всей очевидности, отработочная рента и была причиной крепостной зависимости в областях, зависевших от государства исмаилитов, и в Великой Армении.

Население, выполнявшее барщинные работы для исмаилитского государства, закрепощалось, во всяком случае, на срок этих принудительных работ. Крепостная зависимость была распространена в северных областях Великой Армении, пограничных с Грузией²⁹, при этом бежавшие крестьяне могли быть возвращены только в одном поколении, а дети беглецов, родившиеся за пределами владений господина, считались свободными³⁰. Крепостная зависимость, таким образом, не была полной. В других областях страны крестьяне сохраняли личную свободу. Различные списки судебного Мхитара Гоша, действовавшие, очевидно, в различных областях, соответственно фиксируют условия крепостной зависимости и личной свободы³¹. В Киликийской Армении, по «Судебнику» Смбата Спарапета, крестьяне были закрепощены, но дети беглецов, родившиеся после побега, сохраняли личную свободу³²,

²⁶ См. *Մխիթարայ Գոշի Դատաստանագրքը հայոց, Էջմ., 1880, Բ, Ա*, стр. 315.

²⁷ „Armenisches Rechtsbuch“, I. B., Hrsg von J. Karst, Strassburg, 1905. § I, стр. 22; См бат С пар ап ет, Судебник, Ереван, 1958, § I, стр. 13. По вопросу о барщине в Великой и Киликийской Армении см. Л. О. Баба я н, К вопросу о закрепощении крестьян в Армении..., стр. 14 и сл.

²⁸ „Histoire du sultan Djelal ed-din Mankobirtli, prince du Kharesm par Muhammed en-Nesewi. P. p. O. Houdas, Paris, 1891, стр. 197; 1895, стр. 127.

²⁹ Б. М. Ару т ю н я н, Социально-экономическое положение крестьян в Армении XII в. по „Судебнику“ Мхитара Гоша, „Вопросы истории“, 1952, № 8, стр. 55; Մ. Ե. Հ ա ս ո թ յ ա ն, Հ ա յ գ յ ո չ ա գ ի ու թ յ ա ն հ ո ղ է ն ա մ ո ա մ ա ն և ճ ո ռ ո ա մ ա ն հ ա ռ ջ ը շ ու ռ-ը, «Պատմա-րանասիրական հանգես», 1963, № 1, стр. 180 և հետև.

³⁰ *Մխիթարայ Գոշի Դատաստանագրքը հայոց, Բ, Գ*, стр. 320—321. Б. М. Ару т ю н я н, Социально-экономическое положение крестьян в Армении..., стр. 55—56; М. О. Да р б и н я н, Социально-экономические отношения и политическое положение Армении при первых Хулагуидах..., стр. 130 и сл. Է. Ա. Պ ի լ ա զ յ ա ն, *Մխիթար Գոշի «Դատաստանագրքի» մասին*, «Պատմա-րանասիրական հանգես», № 2, 1964, стр. 208, 209.

³¹ *Մխիթարայ Գոշի Դատաստանագրքը հայոց*, стр. 55. О различных редакциях „Судебника“ Мхитара Гоша см. Ջ. Խ ո ռ ո ս յ ա ն, *Մխիթար Գոշի Դատաստանագրքի ձևագրերը և խմբագրությունները*, «Պատմա-րանասիրական հանգես», 1963, № 1, стр. 141 և հետև.

³² „Armenisches Rechtsbuch“, I. Band, § 118, стр. 172; См бат С пар ап ет, Судебник, стр. 134, § 149.

как это было и по указанным выше спискам «Армянского судебногоника» Мхитара Гоша. Если, однако, в рассмотренных случаях крепостная зависимость может быть, хотя бы частично, объяснена наличием отработочной ренты, то ее возникновение в других областях, в которых совсем неизвестны какие-либо барщинные работы, объясняется другими причинами³³.

Согласно хронике Ибн аль Асира, после взятия Иерусалима войсками Саладина в 1187 г. эмиры возвращали в свои владения многих налогоплательщиков (اجباة من عبيد) найденных в этом городе, чтобы они по-прежнему выполняли наложенные на них повинности³⁴. Крестьяне при этом возвращались как свободные люди, хотя в действительности сам акт возвращения лишал их личной свободы. Юридически они были свободны и могли искать защиты в судах султаната, но практически они были уже закрепощены эмирами. Очень вероятно, что крестьяне бежали в город с целью освободиться от крепостной зависимости, причем они могли бежать из латинских и из мусульманских владений³⁵. В любом случае при взятии Иерусалима эмиры смотрели на беглецов как на крепостных.

Сообщение Ибн аль Асира находится в соответствии с нормами мусульманского права. Взимавшиеся с крестьян налоги накладывались на общины и затем распределялись между налогоплательщиками-общинниками. Крестьянин мог уйти из деревни, если обложенный налогом двор, к которому он принадлежал, был в силе выплачивать налог и дальше³⁶. В противном случае ушедший мог быть возвращен. Такие элементы крепостной зависимости не были закреплены юридически. Будучи свободен по форме закона, налогоплательщик мог обращаться в государственные суды, что обеспечивало ему какие-то возможности.

Макризи сообщает о том, что феллахи в Египте были лишены личной свободы и закрепощены уже при первых мамелюках³⁷. Явления крепостной зависимости, по сообщениям Ибн аль Асира и Макризи, не могут быть объяснены формами ренты.

³³ М. О. Дарбинян справедливо пишет о сходстве феодальных отношений в северной Армении с западноевропейским феодализмом и об их несходстве с феодализмом восточным («Социально-экономические отношения и политическое положение Армении при первых Хулагуидах...», стр. 135).

³⁴ „Extrait de la chronique intitulée Kamel-Altevarykh par Ibn-Alatyr. Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux“. T. I, Paris, 1872, стр. 702—703.

³⁵ См. там же.

³⁶ См. Cl. Cahen, L'Evolution sociale du monde musulman jusqu'au XIIe siècle face a celle du monde chrétien, op. cit., стр. 461.

³⁷ См. И. П. Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 328. См. также Л. А. Семенова, Салах ад-Дин и мамлюки в Египте, М., 1966, стр. 103 и сл. Источники не сообщают о крепостной зависимости в Египте XII в., и отсутствие таких сведений имеет объективное основание в общественных отношениях этой страны: при Айюбидах имело место уменьшение податей в сравнении с первыми веками хиджры и с эпохой Фатмидов (там же, стр. 49, 103), а развитие производительных сил в сельском хозяйстве давало средства для удовлетворения потребностей феодалов.

Некоторый свет на общие условия положения крестьян в областях, к которым относятся сообщения вышеназванных источников, проливают указы султанов, датируемые концом XII в. Монахи монастыря св. Екатерины на Синае неоднократно жаловались на то, что бедуины и другие люди заседали и захватывали их земли³⁸. Султаны в своих постановлениях восстанавливают права монахов на захваченную землю и плодовые деревья, указывают на необходимость соблюдать обычаи землепользования и предписывают шерифам и эмирам действовать в соответствии с издаваемыми ими указами³⁹. Из этих постановлений ясно, что чиновники султанов не препятствовали нарушению традиционных прав землепользования и других прав монахов. Монастырю было легче противодействовать бедуинам, обращаясь к султану, чем выступать против всемогущих шерифов или эмиров.

Согласно указам султанов, их подданные в конце XII в. зависели не только от султана, но также и от феодальных владетелей, эмиров, шерифов и правителей крепостей. Султан был вправе и в сила предписать им исполнять свои распоряжения⁴⁰, но его чиновники и зависевшие от него эмиры пользовались большой свободой действий; если они не создавали нового права, то создавали новую практику, которая противодействовала действовавшему мусульманскому праву. В свете этих сведений становится ясным сообщение Ибн аль Асира о возвращении налогоплательщиков из Иерусалима на прежние места жительства. Возвращая беглецов, эмиры действовали в соответствии со своими потребностями и нуждами. Нормы мусульманского права, признававшего налогоплательщиков-мусульман свободными и полноправными, оставались неизменными. В возникшем таким образом противоречии практики и религиозно-правовых норм последние приобретали новый смысл. Вместе с тем практика представляла новые явления в условиях зависимости крестьян, тогда как мусульманское право фиксировало традиционные отношения.

Арабский путешественник XII в. Ибн Джубейр, посетивший в 1184 г. Сирию и Палестину, писал о притеснениях и насилиях, которые терпели крестьяне-налогоплательщики в мусульманских владениях, и находил более благоприятным их положение в латинских колониях⁴¹. В соответствующем месте своего «Путешествия» Ибн Джубейр оставляет без внимания условия крестьянской зависимости, и поэтому сделанное им сравнение является преувеличенным. При всем этом от-

³⁸ См. S. M. Stern, *Petitions from the Ayyubid Period*, Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London, Vol. XXVII, Part I, 1964, стр. 10, 21. См. также „Two Ayyubid decrees from Sinai by S. M. Stern, Documents from Islamic Chanceries“, First Series, Editor S. M. Stern, Oxford, 1965, стр. 26.

³⁹ См. S. M. Stern, *Petitions from the Ayyubid Period*, op. cit., стр. 13, 26. „Two Ayyubid decrees from Sinai...“, стр. 26—27.

⁴⁰ См. там же, стр. 27.

⁴¹ رحلة، ص ٣٠١—٣٠٣

меченная знаменитым путешественником практика нарушений религиозно-правовых норм ислама подтверждается другими источниками и находит в них соответствие. В результате встает вопрос, как объяснить эти нарушения традиционных обычаев и положений мусульманского права.

Развитие производительных сил на Ближнем Востоке XII—XIII вв. представляет собой самостоятельную и сложную проблему. Товарно-денежные отношения в этом районе продолжали интенсивно развиваться в рассматриваемый период, что было вызвано все возрастающей торговой активностью итальянских, провансальских и других республик. Различные новые товары и средства удовлетворения потребностей создавали новые потребности в среде эмиров, шерифов, правителей крепостей, наместников. Новые потребности и интересы толкали к нарушению традиций, обычаев и религиозно-правовых норм. Крайностями этих систематически совершавшихся нарушений были явления закрепощения крестьян.

Этот ряд соображений подтверждается хронологическим распределением указов, содержащихся в инвентаре монастыря св. Екатерины на Синае. Первое из этих постановлений, обычно издававшихся в ответ на жалобы, относится к 1109 г., а всего их по инвентарю для XII—XIII вв. насчитывается 21⁴². Из этого количества на первую половину XII в. приходится только четыре, что, по всей вероятности, свидетельствует об увеличении числа нарушений традиционных прав монастыря уже к концу XII в.

В странах Ближнего Востока в XII в. назревали глубокие социальные изменения. В пределах латинских владений соответствующие социальные превращения были ускорены завоеванием и перенесением западноевропейских обычаев крепостной зависимости и поэтому получили определенное завершение гораздо раньше. В областях Ближнего Востока, лежавших за пределами латинских колоний, дальнейшие изменения в условиях крестьянской зависимости были связаны с новым нашествием, захватившим несравненно большие территории и гораздо более разрушительным,—с вторжением монголов и социально-политическим строем их империи⁴³.

Повсеместное распространение крепостной зависимости на Ближнем Востоке в монгольский период

Нашествие монголов не внесло существенных изменений в господствовавшие на Ближнем Востоке формы ренты, но оно сопровождалось

⁴² См. A. S. Atiya, *The Arabic Manuscripts of Mount Sinai*, Baltimore, 1955, стр. 26—27.

⁴³ «Завоевание монголов и установление их господства... явились толчком, резко обострившим и ускорившим все те процессы, которые протекали до них в социальной и экономической жизни Армении» (М. О. Д а р б и н я н, *Социально-экономические отношения и политическое положение Армении при первых Хулагуидах...* стр. 149).

обложением населения непомерными податями и введением непосильных налогов. Наложив на местное население копчур⁴⁴, мал⁴⁵, тагар⁴⁶, тамговые сборы⁴⁷ и другие налоги, монголы еще требовали выполнения целого ряда обременительных повинностей. О непомерно тяжелых налогах, введенных монголами, сообщали Керимеддин Махмуд Аксаран, Рашид ед-Дин и другие авторы. О них много писали армянские историки той эпохи. «И весьма жестоко стали они брать подати со всех,—рассказывает Киракос Гандзакеци о сборщиках налогов, посланных Мангу-ханом,—больше, чем позволяли их средства, и те начали разоряться»⁴⁸. По сообщениям того же автора, они обложили данью моря и озера, наложили поборы на рудокопов, кузнецов и на всех ремесленников в селах и городах⁴⁹. Он перечисляет налоги мал, копчур и тагар и, помимо этих налогов и других сборов, говорит о требованиях 100 литров пшеницы, 50 литров вина, трех мешков, двух веревок, одной стрелы, одной подковы и других приношений⁵⁰. Естественно встает вопрос о причинах и последствиях этого неимоверного роста налогов.

Ханы, облагавшие налогами подвластные им области, нуждались в громадных средствах для проведения своей завоевательной политики и для удержания в повиновении завоеванных стран. Однако увеличение налогов определялось далеко не одной налоговой политикой ханов. Рашид ед-Дин подчеркивает то обстоятельство, что значительную часть податей присваивали сборщики налогов и правители областей, вследствие чего в государственную казну шла незначительная часть собранных средств⁵¹. По сообщению Степаноса Орбеяна, армянский царь Гетум II предъявил Газан-хану жалобу на притеснения и поборы; в ответ на это хан заявил о своей непричастности и обвинил своего наместника Навруза⁵². Киракос Гандзакеци рассказывает о том, что уче-

⁴⁴ В. Бартольд, Анийская надпись на стене Анийской мечети Мануче, СПб., 1911, стр. 31 и сл.; В. Spuler, Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit, Berlin, 1955, стр. 308—309; А. М. Беленицкий, К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху..., стр. 115 и сл.; И. П. Петрушевский, К истории подушной подати в Иране при монгольском владычестве. Исследования по истории культуры народов Востока, М.—Л., 1960, стр. 413 и сл.

⁴⁵ См. А. М. Беленицкий, К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху..., стр. 116; И. П. Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 373 и сл.

⁴⁶ См. А. М. Беленицкий, К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху..., стр. 116.

⁴⁷ См. Р. К. Кикнадзе, Тамговые сборы в государстве ильханов, «Восточный сборник», I, Тбилиси, 1960, стр. 117—118.

⁴⁸ Киракос Гандзакеци, История. Пер. с древнеарм. Т. Тер-Григорьяна, Баку, 1946, стр. 183; его же, Պատմութիւն հայոց: Աշխատասիրության Կ. Մեծիկոսի թանգարանի, Երևան, 1961, стр. 362.

⁴⁹ См. там же, стр. 362—363.

⁵⁰ См. там же, стр. 374—375; В. Spuler, Die Mongolen in Iran, стр. 307.

⁵¹ См. В. Spuler, Die Mongolen in Iran, стр. 312—313.

⁵² «...այլ նաւորդն գործեաց զամենայն» (Ստեփաննոս Օրբէկեան, Պատմութիւն նահանգին Սիսական, Հ. Թիֆլիս, 1910, стр. 474):

ный сириец Раббан испросил у хана грамоту, запрещающую его военачальникам избивать христиан; хан удовлетворил просьбу сирийца и предписал повиноваться своим приказаниям⁵³. Совершенно очевидно, что чинили насилия и увеличивали поборы не только ханы, но и их наместники, царевичи, нояны и сборщики налогов⁵⁴. Насилия и поборы последних могли даже оказаться в противоречии с политикой ханов. У Степаноса Орбеляна имеются неопределенные намеки на то, что хан был заинтересован, в случае предъявления жалобы, свалить вину на своих наместников. Указанные сообщения поэтому требуют критической оценки.

Согласно сообщениям армянских авторов, вместе с монголами творили насилия и увеличивали подати также местные феодалы. Степанос Орбелян рассказывает, что армянский правитель Смбат Орбелян, предъявив хану жалобу на жену умершего Аваги Гонцу и местных феодалов, защищал баскака Аргуна⁵⁵. Киракос Гандзакеци сообщает о том, что, после того как страна несколько оправилась от монгольских насилий и поборов, «князья обирали и грабили бедняков и на захваченные средства приобретали дорогие одежды, одевались (в них), ели и пили и сильно возгордились»⁵⁶.

Источники сообщают о переписи, произведенной при Мангу-хане, и последовавшем за ней тяжелом обложении. «Вельможи и владельцы областей содействовали им (сборщикам) в учиняемых ими притеснениях в целях своего обогащения»⁵⁷. Таким образом, ханы и их наместники, царевичи и нояны творили насилия и увеличивали поборы в завоеванных странах. Однако источники не позволяют приписывать эти действия одним только монголам: их активными соучастниками были местные феодалы, являвшиеся подчас, как об этом говорит Киракос Гандзакеци, инициаторами насилий и ограбления населения.

Избиения, насилия и непомерные поборы вынуждали население уходить в горы и другие более безопасные места⁵⁸. Киракос Гандзакеци⁵⁹ и Григор Акнерци сообщают о возвращении беглецов монголами и о совершавшихся над ними расправах. Последний рассказывает о случае, когда монголы избили беглецов, а затем натравили на них собак,

⁵³ См. *Կիրակոս Դանակեցի, Պատմութիւն հայոց*, стр. 276.

⁵⁴ См. B. Spuler, *Die Mongolen in Iran*, стр. 309 и сл.

⁵⁵ См. *Ստեփաննոս Օրբելեան, Պատմութիւն նահանգին Սիսական, ԳԸ*, стр. 450 и сл.

⁵⁶ «...Իշխանքն զրկէին և զողողուէրս զաղբատս և ի զրկանաց անտի դնէին հանդերձս մեծագրոս և աղանէին ուտէին և ըմպէին և մեծամեծս փրաւին» (*Կիրակոս Դանակեցի, Պատմութիւն հայոց*, стр. 318—319).

⁵⁷ Киракос Гандзакеци, *История*, стр. 183; его же, *Պատմութիւն հայոց*, стр. 362.

⁵⁸ См. *Կիրակոս Դանակեցի, Պատմութիւն հայոց*, стр. 267.

⁵⁹ См. «*Մաղաքիս, Արեւայի պատմութիւն փասն ազգին նկողաց*», *Ս. Պետերբուրգ, 1870*, стр. 22.

которые их пожирали⁶⁰. Монголы, таким образом, не допускали перехода местного населения в другие места и, следовательно, практически смотрели на крестьян как на крепостных.

Эта практика была приведена в соответствие с теорией при Газан-хане⁶¹, которым в 1300 г. был издан ярлык, юридически закрепощавший крестьянство на подвластной ему территории. Крестьяне, по этому указу, прикреплялись к месту, зарегистрированному в налоговом реестре, т. е. к земле, в местностях своего поселения, а их владельцы получали право сыска беглецов в течение 30 лет, если последние не были включены в переписи и в податные кадастры в других местах⁶².

Юридическому закрепощению крестьян при Газан-хане предшествовала их реальная несвобода⁶³; практическое недопущение ухода в другие места и юридическое закрепощение были вызваны стремлением ханов, царевичей, ноянов и местных феодалов предотвратить побег и не допускать их. Крестьяне бежали, гонимые произволом завоевателей, чинимыми ими и местными феодалами насилиями и непомерно возрастающими поборами и повинностями. Рост тех и других был вызван возрастанием потребностей в среде монголов и местных феодалов. Развитие этих потребностей было связано как с интересами завоевательной политики ханов, так и с возрастающим предложением предметов роскоши и других товаров. При всех разрушениях, вызванных монгольским нашествием, продолжавшееся в обширной монгольской империи развитие товарно-денежных отношений содействовало росту предложения товаров и спроса на них. Вместе с тем опустошения и разрушение производительных сил⁶⁴ препятствовали удовлетворению появлявшихся потребностей. Это противоречие, выступавшее в сознании завоевателей в более простой форме нехватки известных

⁶⁰ См. А. М. Беленицкий, К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху..., стр. 119—120.

⁶¹ Надо сказать, что налоговое обложение при Газан-хане достигло наибольшей величины. См. В. Spuler, Die Mongolen in Iran, стр. 315—316.

⁶² См. И. П. Петрушевский, Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории восточного Закавказья..., стр. 888; В. Spuler, Die Mongolen in Iran, стр. 317, 387—388; А. М. Беленицкий, К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху..., стр. 120—121; А. И. Фалина, Реформа Газан-хана, «Ученые записки Института востоковедения», т. XVII, М., 1959, стр. 73—74.

⁶³ По словам А. М. Беленицкого, в мусульманских странах, и в том числе в Иране. «феодалы очень долгое время не принимали внешней формы личной зависимости» (там же, стр. 120).

⁶⁴ «Մոնղոլներն իրենց վարած հարկային և հողային քաղաքականությամբ ձգտել են նվաճված երկրներին բաժնի վերջին կենսական հյուսիսը» (Լ. Բարսյան, Մոնղոլները վարչատնտեսական քաղաքականությունը Հայաստանում, «Տեղեկագիր» Հայկ. ՍՍՌ Գիտ. ակադ., հատ. գիտ., 1947, № 4, стр. 82); См. В. А. Рязановский, К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право, Харбин. 1931, стр. 12 и сл.; А. А. Ализаде, Монгольское завоевание в Азербайджане и сопредельных странах, «Вопросы истории», 1952, № 8, стр. 61 и сл.; И. П. Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения в Иране..., стр. 80 и сл.; Л. О. Бабалян, Социально-экономическая и политическая история Армении..., стр. 283 и сл.

средств, монголы стремились устранить путем политического насилия и закрепощением крестьянства.

Важное значение при этом имело политическое насилие завоевания, а также и монгольские обычаи. Монгольские рядовые кочевники-воины не могли переходить из одной сотни или тысячи в другую под страхом смертной казни⁶⁵. Рядовой монгольский кочевник был одновременно и скотоводом, и воином, зависевшим от нояна или царевича и стоявшим в низшем ряду монгольской феодальной иерархии. Поэтому его нельзя считать крепостным в собственном смысле слова. А так как сельское население завоеванных монголами стран Ближнего Востока было крестьянским в буквальном смысле слова, нет возможности говорить о распространении на население этих областей монгольских обычаев в их известной нам конкретной форме⁶⁶. По-видимому, имела место какая-то степень взаимодействия местных и монгольских обычаев, а также мусульманского и монгольского права⁶⁷.

Наконец, необходимо связать явления крепостной зависимости на мусульманском Востоке и на армянских землях XII в. и первой половины XIII в. с закрепощением крестьян в латинских владениях и в империи монголов. Наблюдавшееся в XII в. и в начале XIII в. количественное возрастание или накопление явлений закрепощения было вызвано развитием товарно-денежных отношений и обусловленным ими ростом потребностей. Дальнейшее развитие этих процессов, подталкиваемое насилием завоевания и встречающееся с западноевропейскими обычаями крепостной зависимости и с запрещением перехода монголов из сотен и тысяч, привело к существенному сдвигу в условиях крестьянской зависимости на Ближнем Востоке. В империи монголов крепостная зависимость получила повсеместное распространение.

Развитая в этой статье теория происхождения крепостной зависимости на Ближнем Востоке дает возможность уяснить также некоторые существенные особенности ее дальнейшей истории. Крепостная зависимость здесь в позднейшую эпоху могла исчезать и появляться вновь, в соответствии со своеобразными судьбами общественных отношений на Востоке. Поэтому представления историков, считающих крестьян этого района крепостными или свободными на протяжении нескольких веков, оказываются односторонними.

⁶⁵ Б. В. Владимирцов, Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934, стр. 97—98, 112—114, 117—118; G. Vernadsky, Scope and Contents of Chingis Khan's yasa, Harvard Journal of Asiatic Studies, Vol. 3, Number 3 and 4, Dec. 1938, стр. 349 и сл.; B. Spuler, Die Mongolen in Iran, стр. 399 и сл.; И. П. Петрушевский, К вопросу о прикреплении крестьян к земле..., стр. 62 и сл.; его же, Земледелие и аграрные отношения в Иране..., стр. 329 и сл.; И. Я. Златкин, Опыт периодизации истории феодализма в Монголии, «Труды 25 Международного конгресса востоковедов» (9—16 авг. 1960), т. V, М., 1936, стр. 327.

⁶⁶ См. Л. О. Бабаян, К вопросу о закрепощении крестьян в Армении..., стр. 53.

⁶⁷ См. А. И. Фалина, Реформы Газан-хана, стр. 60; И. П. Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 333—334.

**ԳՅՈՒՂԱՑԻՈՒԹՅԱՆ ՃՈՐՏԱՑՄԱՆ ՊՐՈՑԵՍԸ ՄԵՐՋԱՎՈՐ ԱՐԵՎԵԼՔՈՒՄ ԵՎ
ՃՈՐՏԱԿԱՆ ԿԱԽՈՒՄԸ ՄՈՆԴՈԼԱԿԱՆ ՏԻՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՇՐՋԱՆՈՒՄ**

Գ. Ա. ԴՄԻՏՐԻԵՎ (Լենինգրադ)

(Ա մ փ ո փ ո լ մ)

Արևելագետները տարբեր ձևով են լուսաբանել գյուղացիության կախվածության պայմանները Մերձավոր Արևելքում: Նրանցից ոմանք պնդում են, որ XI—XII դդ. Մերձավոր Արևելքում գյուղացիությունն արդեն ճորտացված էր: Բարոուդը գտնում է, որ հասարակական հարաբերությունների էական փոփոխություններն այս երկրամասում կատարվել են մոնղոլական տիրապետության շրջանում և որ Մերձավոր Արևելքի երկրներում ճորտատիրությունը տարածել են մոնղոլները: Ի. Պետրուշևսկին նույնպես ժխտում է գյուղացիության ճորտացման փաստը նախամոնղոլական ժամանակաշրջանում և ճորտական կախմաս երևան գալը բացատրում է այն բոնություններով ու ավերածություններով, որոնցով ուղեկցվում էին մոնղոլական արշավանքները: Լ. Բաբայանը հստակ է գալիս այս տեսակետի դեմ:

Կոոռ ծնում է ճորտական կախում, այդպես եղավ Արևմտյան Նվրոպայում X—XII դդ.: Ի տարբերություն Արևմտյան Նվրոպայի, լատինական գաղութներում ֆեոդալական ոենտան գանձվում էր գլխավորապես մթերքներով, բայց գյուղացիությունն, այնուամենայնիվ, ճորտացված էր: Բացի այդ, կարելի է որոշ պապեր բացահայտել լատինական գաղութների և նրանց սահմաններից դուրս գտնվող երկրների սոցիալ-տնտեսական հարաբերությունների միջև:

Աղբյուրներն ուսումնասիրող պատմաբանը ճորտական կախման փաստերի էականորեն Մեծ Հայքում ու Կիլիկիայի թագավորությունում՝ XII—XIII դդ., Պաղեստինում՝ XII դ. և Նգիպտոսում՝ XIII դ.: ճորտության ասպարեզ գալը կարելի է բացատրել նախ և առաջ ֆեոդալների աճող սլահանջներով, որ պայմանավորված էր ապրանքա-դրամական հարաբերությունների դարպացմամբ:

Մոնղոլական տիրապետության ժամանակ ոենտայի ձևերը նույնն էին, ինչ որ նախորդ դարաշրջանում: Բայց դրա հետ մեկտեղ մոնղոլները հսկայական փոփոխություններ կատարեցին հարկերն ու պարհակները: Արշավանքների հետևանքով տեղի ունեցած ավերածությունները սահմանափակում էին գյուղացիությանը շահագործելու հնարավորությունները: Ձգտելով ապատություն ձեռք բերել, գյուղացիները փախչում էին, բայց մոնղոլները բոնությանը վերադարձնում էին նրանց նախկին տեղերը: Ղազան-խանի յարլիկը՝ ճորտություն հաստատելու մասին, այդ հարաբերություններին իրավաբանական տեսք էր ստալիս:

Այսպիսով, գյուղացիության ճորտացումը Մերձավոր Արևելքում կատարվում էր XII—XIII դդ.: Այդ պրոցեսն արագացավ խաչակրաց արշավանքների հետ կապված քաղաքական բոնության և լատինական նվաճման, ինչպես նաև Արևմուտքից բերված ճորտատիրական սովորույթների հետևանքով: Մոնղոլական արշավանքներին ուղեկցող բոնություններն ու կամալականությունը հանդիսանում էին ճորտական կախման տարածմանը ողջ Մերձավոր Արևելքում: